

**Судьба всегда дает шанс! Не верите?
Читайте романы Олега Роя:**

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Банкротство мнимых ценностей
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Искушение

Диалогия «Ловушка»
Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных

Секреты семейного счастья от Олега Роя

МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина

Скользкий странник

Сборник рассказов О. Роя и участников конкурса «Статьи по Олегу Роя»

Олег РОЙ

Ловушка для вершителя судьбы

ЭКСМО

Москва

2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 58

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н. Я. Заблоцкиса*

Рой О.

Р 58 Ловушка для вершителя судьбы: роман / Олег Рой. — М.: Эксмо, 2015. — 352 с. — (Капризы судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-60042-7

На одном из кинофестивалей знаменитый писатель вынужден был признать, что лучший сценарий, увы, написан не им. Картина, названная цитатой из песни любимого Высоцкого, еще до просмотра вызвала симпатию Алексея Ранцова. Фильм «Я не верю судьбе» оказался притчей о том, что любые попытки обмануть судьбу приводят не к избавлению, а к страданию, ведь великий смысл существования человека предопределен свыше. И с этой мыслью Алексей готов был согласиться, если бы вдруг на сцену не вышла получить приз в номинации «Лучший сценарий» его бывшая любовница — Ольга Павлова. Оленька, одуванчиковый луг, страсть, раскаленная добела... «Почему дал ей уйти?! Я должен был изменить нашу судьбу!» — такие мысли терзали сердце Алексея, давно принадлежавшее другой женщине.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-60042-7

© Резепкин О., 2010

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

*Памяти моего сына
Женечки посвящается*

Пролог

Как давно я не сидел за этим столом и не держал в руках перо! Точнее, конечно, не перо, а самую обыкновенную шариковую ручку. Признаться, после той странной ночи, разделившей мою жизнь на «до» и «после», я перестал считать себя писателем, вернее, окончательно понял — я никогда им не был. И ничто в мире не заставило бы меня сесть за эту последнюю, возможно, самую важную в моей жизни книгу, если бы не чувство долга, уверенность, что я просто обязан донести до людей правду и раскрыть им глаза на многовековые заблуждения.

Чего только не придумал человек, пытаясь найти ответ на извечный вопрос, волнующий его на протяжении всего существования: «А что будет потом, после смерти?» Райские кущи и адское пекло, вечное блаженство и муки неуспокоенной души, реинкарнация, свет в конце тоннеля и увиденное со стороны собственное тело... Однако все это не имеет ничего общего с реальностью. И мне довелось убедиться в том лично.

Однажды в хмурый августовский вечер мое сердце остановилось. Потом врачи говорили — инфаркт, но, по-моему, это неверно. Тогда я просто устал. Устал жить. Смертельно устал. И не имел никакого желания возвращаться обратно к

жизни. Я пробыл без сознания пятьдесят одну минуту, четыре из которых продолжалась клиническая смерть. Узнав это из истории болезни, я был невероятно удивлен, потому что *Там* время течет совсем по-другому. За те мгновения, пока реаниматологи колдовали над моим несчастным телом, я успел заново прожить все основные вехи своей судьбы и услышать несколько занимательных, удивительных, невероятных историй. Я был на Суде... Да, да, на Высшем Божьем суде, правда, это был Суд не надо мной, грешным, а над моим ангелом-хранителем. И то, что я там узнал, те картины судеб, которые прошли перед моими глазами, позволили мне совсем иначе взглянуть на прожитое и начать все сызнова.

Как и все смертные, я повидал на своем веку взлеты и падения, встречи и разлуки, любовь и ненависть, радость и печали. Меня, случалось, предавали, да и сам я, увы, небезгрешен. От большинства людей меня отличает только одно — я пережил свою собственную смерть. Я знаю, каково это — умирать, знаю, что чувствует человек, вновь получивший в подарок жизнь.

Я и сейчас не забыл ни одного эпизода из того красочного действия, ни одного слова, произнесенного моим небесным покровителем. И все это будет описано мною в этой книге без малейших изменений. Книге, которая станет самым убедительным доказательством, решительным ответом всем тем, кто мне не верит, кто смеется над моими словами, кто считает меня сумасшедшим.

С недоверием я столкнулся уже в палате реанимации, когда резко, в единый миг, пришел в себя и осознал, что вернулся в *этот* мир. Находясь под впечатлением от только что пережитого, я попытался рассказать свою историю врачам, но понимания не встретил. Мне объясняли что-то про генетическую память, частые в медицинской практике галлюцинации и активацию каких-то зон головного мозга в подобных обстоятельствах, но я-то знал, что врачи, такие умные, опытные и циничные в своем стремлении свести все к физиологии, не правы! Во всяком случае, в том, что касается лично меня.

Их реакция и реакция других людей, с которой я столкнулся впоследствии, не обижала меня. Скорее удивляла и вселяла угрюмую тоску. Хотелось крикнуть: «Люди, как вы живете? Очнитесь! Каждый из вас жаждет чуда и готов отправиться за ним куда угодно — поклоняться лжемессиям, искать исцеления у магов-шарлатанов, пачками скупать сонники и приходить в восторг от каждого «нового» учения (словно в этом мире еще возможно изобрести нечто новое!). А ведь желанное чудо совсем рядом! Вы готовы удивляться жалким экспериментам по оживлению брэнного тела, тогда как сотни подобных мне спасенных душ оставляют вас абсолютно безучастными!»

Некоторое время я пытался найти собеседника, который меня поймет, задумается и, быть может, изменит что-то в своей короткой жизни. Но тщетно. Люди мне не верили. Многие хотели бы, но не могли. Они слушали с интересом, ахали, за-

Олег Рой

давали вопросы, но... через некоторое время после моего рассказа, поразмыслив, приходили к выводу, что это всего лишь красивая сказка. И робко предлагали мне те же варианты объяснений, что и врачи: галлюцинации, память предков, расторженные участки мозга. Меньшие скептики говорили, что я видел свои прошлые жизни, а один именитый психоаналитик заявил, что голосом ангела со мной разговаривало мое собственное подсознание. Со временем я понял, что настоящая вера очень сильно отличается от состояния, когда человеку кажется, что он во что-то верит. Первая не требует доказательств, и ей не нужны подтверждения.

Поэтому я решил никому и ничего больше не объяснять, а просто написать книгу, в надежде, что найдется хотя бы один человек, который прочтет ее и поймет меня. Очень надеюсь, что на Земле существуют и другие люди, пережившие нечто подобное. Но даже если это не так и я оказался единственным в своем роде, я все равно верю в читателя, которому случившееся со мной покажется важным, значимым, а главное, правдивым.

Не скрою, есть еще одна причина, по которой я взялся за этот труд. Предполагаю, у моей книги будет один совершенно особенный читатель. Тот, рядом с которым я провел сорок с лишком лет своей жизни. Сыгравший такую неоднозначную роль в моей (и не только моей) судьбе и так жестоко за это поплатившийся. Где бы ты сейчас ни был, я пишу эту книгу прежде всего для тебя, мой ангел-хранитель!

С уважением, бывший Писатель

Глава 1

Алексей. Перед Судом

«Но это же все совсем не так! Тут все иначе!» — примерно такой была первая мысль человека, когда он оправился от потрясения, сладил наконец с охватившими его эмоциями и смог более или менее трезво рассуждать. Человека звали Алексей Ранцов. Совсем недавно он был *талантливым* писателем, но поскольку несколько мгновений назад он умер — у себя дома, в собственном кабинете, — то теперь имел все шансы стать писателем *гениальным*. Так уж повелось, что известность, признание и эпитет «гениальный» обычно приходят к литераторам, художникам, композиторам и другим творцам лишь после смерти. Особенно если эта смерть происходит рано, внезапно и как-нибудь трагически. Правда, ничего подобного в финале биографии Алексея Ранцова не было — он умер от банального сердечного приступа. Зато возраст оказался подходящим: сорок три года. Не зеленая молодость, но самый пик жизненной активности, самый расцвет творчества. Так что шанс попасть в классики все-таки имелся.

Впрочем, к чести Алексея надо отметить, что в тот момент он совсем не думал ни о чем подобном. Представ перед оби-

телью Творца Небесного, земной творец лишь растерянно, в полном недоумении озирался по сторонам.

Как любой мыслящий человек, тем более писатель, Алексей, конечно, нередко размышлял о том, как происходит переход души в другой мир и что этот самый другой мир собой представляет. Если бы при жизни его спросили: «А что, потрому, нас ждет там?», он, скорее всего, ответил бы:

«Наверно, там все примерно так, как у Эльдара Рязанова в «Забывтой мелодии для флейты».

Этот фильм он смотрел десяток раз, именно из-за последних эпизодов, когда у не выдержавшего напряжения героя Леонида Филатова отказывает сердце. Он умирает — и перед ним предстает мрачная обстановка чистилища. Темные комнаты, в которых гуляет сквозняк, переполнены душами, ожидающими Страшного суда. Усталая измученная очередь — этот характерный признак социализма, ставший особенно актуальным в конце восьмидесятых и начале девяностых. Очередь из душ! Сейчас, спустя два десятка лет, это кажется нелепым и даже смешным, а тогда выглядело очень убедительно. Какая-то особенно жестокая и беспощадная ирония виделась Алексею в том, что даже вечное человек может воспринимать лишь через призму своего времени. Но это все, конечно, теория, однако каждый раз, как только затрагивалась тема жизни и смерти, перед глазами так и возникал эпизод из фильма. Неуютный, выстуживающий душу, полумрак и люди, люди, люди... Люди, словно лишенные красок, люди разных нацио-

нальностей, профессий, возрастов... Кто-то пойдет в рай, большинство в ад. Но это потом. А пока праведники и грешники одинаково неприкайны. И это ощущение безысходности и одиночества, неопределенности и полного неведения того, что ждет тебя впереди, гораздо страшнее холода и дискомфорта. Наверное, там, у порога, действительно позволяют увидиться с родными, дают краткие минуты свидания, за которые хочется успеть сказать все и не получается сказать ничего. А дальше... Дальше герой Филатова, спасенный любовью, возвращался к жизни, и на этом картина заканчивалась. Что его ожидало, если бы Суд состоялся, и какой он, этот Суд, — в фильме об этом ничего сказано не было.

Созданная богатым воображением режиссера и сценариста обстановка чистилища еще в юности, во время первого просмотра фильма, произвела на Алексея столь сильное впечатление, что поглотила все другие представления о смерти, не только осознанные, но даже подсознательные. Он боялся смерти — такой, какой увидел ее в фильме. Однако при этом — хотя это и может показаться парадоксальным — Алексей не верил в загробное существование. Конечно, очень хотелось верить в потустороннюю жизнь, неважно, будет ли она в форме реинкарнации или в каком-то другом виде, но крепко вбитые в сознание материалистические догмы были значительно сильнее этих робких надежд. В глубине души Ранцов не сомневался: «отдав концы», мы действительно «уми-

раем насовсем» — отключается сознание, перестает функционировать не только тело, но и душа. Или?.. Или все-таки нет?

«Когда-нибудь мое любопытство будет удовлетворено. Я умру и сам все узнаю, а сейчас незачем без толку гадать», — говорил он сам себе с напускной бодростью. Так, впрочем, делают многие. Это *когда-нибудь* кажется им таким далеким и потому менее страшным. Но оно, увы, неминуемо.

Сегодня оно наступило и для известного писателя Алексея Ранцова. Он все узнал, все увидел своими глазами — и был весьма удивлен тем, что ему открылось.

То, что он умер, точнее, что его душа покинула тело, Алексей осознал сразу. Но при этом, как ни странно, в ощущениях ничего не изменилось, способность чувствовать, как и способность мыслить, осталась прежней, он знал и помнил все, что знал и помнил несколько минут назад — до сердечного приступа, не больше и не меньше. Алексей, как и раньше, мог двигаться, ощущал свое тело и видел, опустив взгляд, свою одежду, свои руки, живот и ноги, утопающие по щиколотку в легкой голубоватой дымке. К тому же писатель отлично себя чувствовал, был бодр и полон сил; невыносимая боль, совсем недавно раскаленной спицей пронзавшая сердце, отпустила мгновенно, словно ее никогда и не было. Ему не было страшно, не было ощущения страдания, потери, печали или отчаяния. Но и ничего похожего на блаженство, которое, судя все по той же литературе, должна испытывать душа, освободившаяся от земных скорбей, он тоже не чувствовал. Единствен-

ное отличие от обычного состояния было в том, что он словно стал легче в десятки раз, однако совсем не парил где-то наверху, наблюдая со стороны себя же самого, точнее, собственное брненное тело.

«Я умер, — понимал Алексей, — и нисколько об этом не жалею. Разве что немного обидно, что это случилось именно сейчас, когда в моей жизни все только-только стало налаживаться. И близких жалко, особенно детей, они, бедные, расстроятся... Но, видно, такая уж моя судьба... Впрочем, все это правильно. Рано или поздно детям все равно придется хоронить своих родителей. Это закон жизни, и он справедлив. Несправедливо, когда случается наоборот... Но хватит думать об этом. Все равно я уже ничего не могу изменить. Прошлое — жизнь земная — закончилось окончательно и бесповоротно, и теперь неплохо бы разобраться с настоящим... Интересно, где это я? Как я сюда попал? Что мне сейчас делать? И что, очень хотелось бы знать, будет со мной дальше?»

Однако дать ответы на эти вопросы было значительно труднее, чем задать их. Алексей лишь осознал, что практически мгновенно, почти без всякого перехода, загадочным образом покинул свой кабинет и оказался в некоей незнакомой обстановке. Ничего подобного он никогда раньше не видел, но тем не менее откуда-то твердо знал: это — *тот свет*, другой, не земной мир. И Ранцов с любопытством принялся осматриваться вокруг. Отсутствие на пороге апостола Петра с ключами от врат царства небесного и ангелов с простертыми десни-